

ОРУЖИЕМ СМЕХА

Новая программа Ленинградского театра миниатюр

Исторический XIX съезд нашей партии, намечая грандиозную программу строительства коммунизма, дал направление и советскому искусству, призванному решать высокие и благородные задачи коммунистического воспитания нашего народа.

Одним из средств, помогавших решать эти задачи, должна стать художественная советская сатира. «В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе...» — говорил в своем докладе на съезде тов. Г. М. Маленков. — Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Шексперы, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед».

Новый спектакль Ленинградского театра миниатюр — одна из первых попыток на нашей сцене ответить на этот призыв партии.

Не все номера программы «Смеяться, право, не грешно» (автор В. Поляков) отличаются достаточной сатирической остротой и силой, но важно то, что коллектив театра (художественный руководитель А. Райкин) избрал верное направление. Успех спектакля — свидетельство значительных потенциальных возможностей, которые лежат в себе наше эстрадное искусство. Гибкость, многообразие форм и средств этого искусства дают ему возможность быстро откликаться на злободневные темы.

Авторы спектакля «Смеяться, право, не грешно» старались как можно шире охватить свой «сектор обстрела» недостатков, существующих в нашем обществе. В ряде коротких миниатюр и астральных номеров они ведут «белый огонь» по бюрократизму и взяточничеству, нечуждым, черствым людям, но тем, кто искажает правду во имя личных интересов, по десятилетиям, но создающим советских кинокомедий, по невежественным театральным критикам и т. д.

«Папа, мама и сын — трагедия в шести актах» бичует горе-родителей, калечащих уродливым воспитанием своих детей. В «Буднях в альбомном альбоме» идет речь о посюбниках жилищно-коммунального хозяйства. Это высмеивается в «Декрете о любви» нарушениях советской морали, лицемерно приукрашивая свои грязные похождения яркими словами. Психологический этюд «Подруга» рассказывает о мошеннике, для которого брак и любовь — выгодная сделка.

«Напостыжино!» — одна из лучших миниатюр программы. Напоминая о гениальной повести Гюголя «Нос», театр показывает, как некий Петр Сидорович утром пришел в полудомовенное ему учреждение и «подмакнул», не читая, документы. Неожиданно зрители видят, что у безголового ротозея исчезла... голова! И самок удивительно, что никто из окружающих этого не замечает. Не видит никто и приехавший для решения «человеческого министерства».

«Мне кажется, что мы с вами уже встречались... Я вас сразу узнаю», — говорит вышедший на сцену режиссер. Не обнаружив никаких недостатков у безголового начальника, он уезжает с чувством исполненного долга. А Райкин несколькими меткими штрихами рисует портрет «безголового» администратора. Прием преемника в этом номере полнее раскрывает сущность взятого под обстрел явления. Тема о ротозеев, о неверной расстановке кадров приобретает в этом номере сатирического обличения, которая нужна, чтобы выжечь прогнившее и омертвевшее в нашей жизни.

Точно бьет в цель хорошо разыгранная труппой миниатюра «Батешорофа». Глазбук Воруши (А. Райкин) по ошибке принимает представительницу прокуратуры (О. Малоземова) за жену своего начальника. Он рассказывает ей о своих стараниях украсить жизнь начальника путем незаконных трев в обстановку кабинета и постройку директор-

ской дачи. Узнав, кому он раскрыл «святыню» своей души, Воруши понимает без чувств. Оуждающийся смех вызывает у зрителя итермария «О важности». Юрически порассуждав о том, сколь мало нужно помнить свое, чтоб быть важными, трос здоровых мужчин уходит, флюидности, а удовлетворенная в их беседе женщина несет оставленные ими стулья.

Живо реагирует как на интермедию «Характеристики» (танец Н. Галубовского). Начальник вышедший бездельника, решив его уволить. Тем самым удовлетворяет: хорошая характеристика, перевод на должность с оплатой не ниже... и т. д. Желая без оскорблений избавиться от лодыря и наказать (своей все может), начальник, подстрекаемый еще советником, соглашается сначала уволить лодыря по собственному желанию, затем устроить перевод и, наконец, подыскивает отличную характеристику. Когда все решено, наглым выказывает, что не согласен на перевод. Он хочет остаться на старом месте и предлагает только что подписанную характеристику. Попробуйте — увольте!.. А Райкин с свойственной ему способностью быстро перевоплощаться очень выразительно играет в интермедии образы все родни: увольняемого и перестраховщика — советского начальства.

При всей удаче этой сценки нужно отметить, что ей недостает более резкого разоблачения гнилого бюрократизма, беспринципности, трусости. На страницах нашей печати публикуются откопанные материалы о ротозеев, самоуспокоенности и притуплении бдительности, что эту тему драматург и театр могли бы дать убедительнее и острее.

Вся программа идет в четком, бодром темпе. Чувствуется большая заинтересованная работа всего коллектива исполнителей. И несмотря на то, что спектакль почти целиком посвящен темным сторонам жизни, он звучит жизнеутверждающе. Дал Воруши Воруши и строит дачу директеру. Но уже прокуратура проникла туда, где он устроил себе коммушку. И не расскази он о своих махинациях, все равно он был бы разоблачен. Сын на скляню подоспущим неслезливым неправильным воспитанником сын профессора Петрова. Но другие отцы и матери сурово и справедливо осуждают истинных виновников его падения — родителей. Недостатки в программе показаны так, что в образах ротозеев, лодырей, бюро-

кратов, мещан мы видим то, что еще делается за жизнь, но неминуемо должно умереть. И эта твердая уверенность в безусловной победе нового придает всему спектаклю оптимистический тон.

Особое место занимает в спектакле пьеса «Наедине с собой». Названная «размышлением в одном действии», она рассказывает не о смешном, жалком и достойном объяснении, а о том, что вызывает чувство гордости, любви в Родине... В день семидесятилетия академика Хромов оглядывается на свою жизнь и беседует мысленно с портретом, на котором изображен деревенский бедошник пятнадцатилетний Савьян Хромов — сегодняшний академик. Большая жизнь проходит перед нами — исполненная борьбы и лишений до революции, богатая трудовыми успехами при советском строе, давшая возможность тысячам саней стать образованными людьми, учеными. Правда, крадет Г. Новиков Савьян. Выразительно ведет роль жены академика О. Малоземова. Достоверный, хотя и несколько традиционный образ самого Хромова создает А. Райкин.

Е наименее удачным номерам этой программы надо отнести миниатюру «Зачем вам это надо?», рассказывающую о «муках творчества» писателя-делати. Разоблачая пресловутую «теорию бесконечности», автор миниатюры бьет по невинному писателю жизни, перестраховке, конъюнктурности. Нет спора — и эта тема требует сатирического огня. Но в этой миниатюре есть серьезные недостатки. Трафаретны и грубо примитивны вставные картины, которые должны были проиллюстрировать убогость фантазии писателя. Недостаточно высмеян и разоблачен образ самого писателя-приспособленца. Сложнее и тоньше действует приспособленец и конъюнктирик, еще сохраняющийся сегодня в советском быту. Иногда еще старое и гнилое, отсутшая похитатисмо нашей жизни, не маскировалось столь хитро и старательно. Это пытаются напаять маслу передового, нового. Советская сатира должна помогать, учить наших людей распознавать враждебное под любой личиной, воспитывать бдительность в народе.

В номере программы, называемом «Новый МХЭТ», показаны лишь корриктисические зарисовки («Малар», «В resto-

ране», «Вино» и другие). Театр не дает в них сатирического обобщения и преевличения. В тьян сатирического спектакля входят по существу мелкие бытовые анекдоты. А между тем «Новый МХЭТ» — очень гибкая, емкая форма, в которую мог бы войти более острый и злободневный материал.

Пьесы и интермедии программы перемежаются вставными номерами. Среди них — соло на концертно (А. Масляков), акробатические этюды в исполнении О. Матвеевой, И. Щелко, а также хорошо знакомых ленинградцам Т. Птичиной и И. Маслякова. Четко, легко и изящно исполненными акробатическими номерами усиливают оптимистическое звучание спектакля.

Программа открывается интермедией «Человек, который не смеется». Он протестует против всекого, смешного спектакля. Ему возражают: «Смех — это оружие критики».

— А вы что? Видели, чтобы человек критиковал, а он бы смеялся? Это совсем не смешно! У нас колоссальные успехи, огромные достижения, а вам смешно! — Это — сатирический спектакль, — возражает ему. — Мы показываем не достижения, а недостатки!

— Тем более! — вопит мрачная личность. — Значит, у вас есть недостатки, а вам смешно!!

Эта интермедия хлестко бьет по зажимщикам критики, помогая развешивать тех, кого товарищ Н. В. Сталин назвал именем шекспировских «помадуров».

Следует поздравить коллективу — с передовых идейных позиций и с большей сатирической остротой разоблачать пороки и недостатки, пережитки старого в нашем обществе, носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — скрытых врагов советского народа. Необходимо направить хитчюжающийся огонь сатиры против зажимщиков критики снизу, против всего косного, рутинного, консервативного, что мешает успешной борьбе ленинградцев за дальнейший технический прогресс.

Новую работу театра надо považать более широкой аудиторией — во дворцах культуры, рабочих клубах. Она достойна этого. Опыт обращения Театра миниатюр в сатирической теме следует продолжить и развить другим эстрадным коллективам.

М. ПЕТРОВ